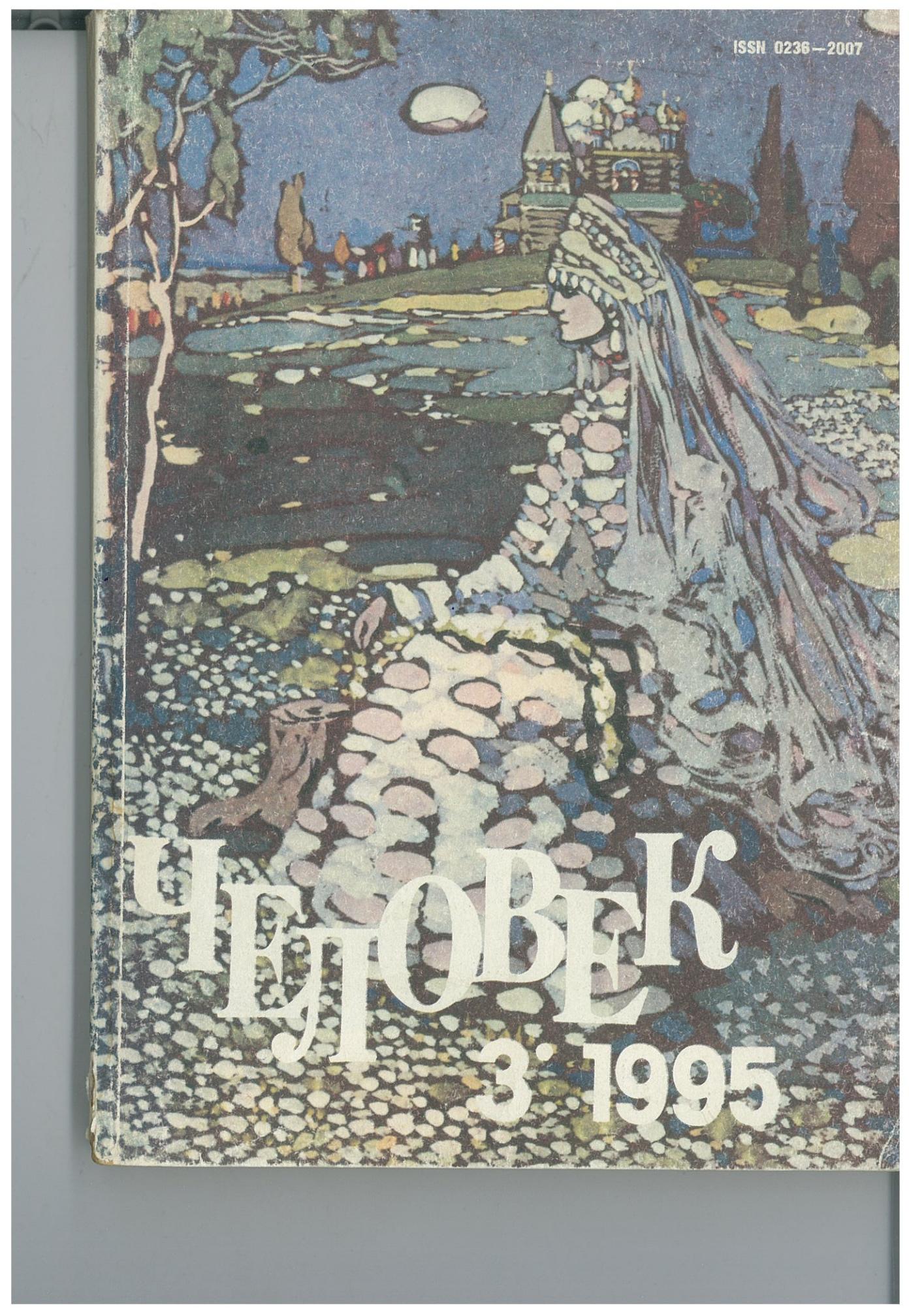

ISSN 0236-2007

ЧУДОВЕК

3·1995

¹⁰ Подробнее об этом: Мельников Л. Н. Цвет: что стоит за этим понятием? // Цвет. Материалы. Дизайн: Материалы конференций, совещаний. М., 1989. С. 64—67; он же. Повышенная экспрессия — новое свойство среды // Техническая эстетика. 1991. № 5. С. 1—5.

¹¹ Кандинский В. Указ. соч. С. 39. Ряд иллюстраций В. Кандинского на цветной вклейке любезно предоставлен сотрудниками музея Ленбаххауз (Мюнхен).

В. В. Кандинский в своей абстрактной живописи иногда использовал чистый цвет и отвлеченную форму. Однако существуют художники-абстракционисты, применяющие только чистый цвет или только отвлеченную форму. В наших опытах мы наблюдали шести- и семилетних детей с детализирующим восприятием одного из двух указанных видов: у них наблюдение цветовых особенностей экрана на длительное время исключало видение отвлеченных форм и наоборот. В последующих школьных возрастах это явление не отмечалось. В редуцированной форме оно восстанавливается у некоторых «детализирующих» взрослых.

Таким образом, у большинства людей имеются выраженные задатки для развития способности к художественному восприятию абстрактного искусства. Другим же необходимо ее формировать, помня при этом, что восприятие такого искусства связано не только со словесно-логическим, но и с интуитивным мышлением, а воздействие его на человеческую психику тонко и многообразно, по-своему уникально. Известно, например, что в 60-е годы нашего века в западных странах абстрактной живописью стали украшать интерьеры производственных помещений, добиваясь улучшения самочувствия работающих и повышения производительности труда. Позднее и сами стены помещений начали окрашивать в цвета, оказывающие на человека в основном психофизиологическое воздействие. В наш все более абстрагирующийся от «вещности» век атомной энергии, автоматики и микроэлектроники принципы беспредметной живописи непосредственно используются и при конструировании искусственной среды обитания человека — в дизайне, декоративном искусстве¹⁰.

«Утонченное, обращенное и полное яркого аромата ныне начавшихся времен»¹¹ абстрактное искусство оказалось удивительно созвучным новой эпохе и рожденному ею человеку, став важной органической частью его «духовной державы».

ДВА ИМЕНИ, ДВЕ СУДЬБЫ

ВСПОМИНАЯ ОБ
УШЕДШЕМ

Уже само сочетание имен — И. А. Кассирского и В. Ф. Войно-Ясенецкого, привлекает внимание. Оба они — личности неординарные, богато одаренные, талантливые ученые; оба внесли заметный вклад в медицину и, шире, — в культуру.

Академик медицины И. А. Кассирский (1898—1971) возглавлял известную в нашей стране и за рубежом научную школу, в 60-х годах выдвинувшуюся в число лидеров клиники внутренних болезней; прославился как гематолог мирового класса; был одним из ведущих специалистов в области географической патологии, клинической химиотерапии, ревматологии, кардиологии. Перу И. А. Кассирского принадлежат не только труды по различным разделам медицины, но и работы о ее творцах — И. П. Павлове и Р. Россе, Е. Н. Павловском и Ж. Ларре, В. П. Филатове и П. Эрлихе, Л. А. Зильбере и А. Флеминге, а также художественная проза (повести, рассказы).

Профессор В. Ф. Войно-Ясенецкий был незаурядным хирургом, анатомом, организатором и руководителем кафедры топографической анатомии и оперативной хирургии Туркестанского университета, талантливым художником. Заслуги его перед медициной бесспорны: он — автор классического труда «Очерки гнойной хирургии» и один из основоположников этого раздела хирургии. Между тем его жизнь и деятельность до недавнего времени были отражены в отечественной литературе скучно и со значительными лакунами: блестящий ученый, лауреат Сталинской премии, автор десятков работ по медицине, руководитель университетской кафедры, в разные годы занимавший посты главного врача больницы в г. Ташкенте, главного хирурга-консультанта эвакогоспиталей в годы Великой Отечественной войны (г. Красноярске), Валентин Феликович Войно-Ясенецкий был также крупным иерархом Русской Православной церкви — архиепископом Лукой, пастырем и талантливым проповедником Слова Божия. В этом своем качестве он трижды арестовывался и в общей сложности 11 лет провел в тюрьмах, лагерях и ссылках (1923—1926; 1930—1933; 1937—1943 гг.) на Севере — в Архангельской области и Красноярском крае. О религиозности ученого, разумеется, умалчивалось, — всего за одним только исключением. Речь идет о статье В. М. Агеева «Критика концепции кардиогенного познания В. Ф. Войно-Ясенецкого» (1969), в которой осуждались его взгляды на сердце как орган познания¹. Но В. М. Агеев воспринял идеи, высказанные Войно-Ясенецким, слишком прямолинейно, в духе «научного атеизма»: рассуждения владыки не столь однозначны, как это показалось критику.

Врач и учений-естественноиспытатель Войно-Ясенецкий не сомневался в безграничных возможностях науки в познании материального мира, органом познания которого считал головной мозг; однако, не отрицая, что «умственные процессы происходят в мозгу», уточнял: «но только деятельность мозговой коры мышление не ограничивается и в ней не заканчивается». Архиепископ Лука считал, что, наряду с материальным, существует мир духовный, научными методами не познаваемый и являющийся предметом веры.

В одном из писем Войно-Ясенецкий пишет: «Материальный мир мы воспринимаем органами чувств, изучаем с помощью головного мозга, но

¹ Эти взгляды впоследствии были оформлены Владыкой Лукой в целостную концепцию, изложенную на страницах его философско-богословской книги «Тело. Душа. Дух» (при жизни автора не опубликовалась). Глава из книги, посвященная роли сердца в познании высших сущностей, напечатана в журнале «Человек»/1991, № 6. — Р. В.

² Войно-Ясенецкий В. Ф. // Врач. 1991, № 3. С. 62.

◇◇◇◇◇
ВСПОМИНАЯ ОБ
УШЕДШЕМ
◇◇◇◇◇

откуда мы знаем о мире духовном? Кто сказал о нем?» — задает он вопрос и отвечает: «Если так спросят нас те, которые ни во что не ставят божественное откровение, скажем им: сердце наше сказали нам это»². Таким образом, Войно-Ясенецкий отводит сердцу, наряду с головным мозгом, роль органа познания, но — мира не материального, а духовного, ибо «сердце наше не только центральный орган кровообращения, оно — высший орган познания, которое дает способность входить в общение с Богом, с высшим миром»³. *Врач и священник в В. Ф. Войно-Ясенецком неразделимы*, — это он сам неоднократно подчеркивал.

Яркая личность Войно-Ясенецкого привлекала Кассирского со временем их совместной работы в 20-х годах в Туркестанском университете. Давались «Размышления...» нелегко, — что неудивительно, если учесть политическую обстановку в стране, отношение режима к религии. «К написанию этой небольшой книги, — признается И. А. Кассирский, — я приступал неоднократно. Но каждый раз, увидев чистый лист бумаги и взяв в руки перо, вдруг начинал испытывать какое-то внутреннее сопротивление, а затем и глубокое сомнение....»⁴. Сомнения обоснованы еще и потому, что автор стремится проникнуть во внутренний мир Войно-Ясенецкого, понять и объяснить его поведение как верующего и вместе с тем активно работающего врача-хирурга. Подобное сочетание не укладывалось в принятые в те годы идеологические рамки; понять это было непросто даже для такого проницательного человека, каким являлся Кассирский. А ведь он знал Валентина Феликовича не по наслышке — их связывали многолетние дружеские отношения. Вовсе не была случайной дарственная надпись на монографии «Очерки гнойной хирургии»: «Професору И. А. Кассирскому с глубокой признательностью и уважением от автора, Архиепископа Луки.

12.04.47 г.»⁵.

И. А. Кассирский не верил (и совершенно справедливо, учитывая существовавший в стране режим) в возможность публикации «Размышлений...» о хирурге-священнике и поделился своими сомнениями с одним из сыновей Валентина Феликовича: «Напишем правду (...) возможную в наших условиях (...) никто не напечатает... М[ожет] б[ыть], рискнуть (...) пусть после нас напечатают — это будет! Это придет!»⁶. Вещие слова!

Над «Размышлениями...» И. А. Кассирский работал с большим подъемом уже будучи безнадежно болен... «Я действительно, — сообщает он сыну В. Ф. Войно-Ясенецкого, — хочу выполнить постулат Навои:

*O, если бы горение души всегда
Огонь свой мысли отдавало...*

Думаю, горение моей души при воспоминании о Вашем отце рождает мысли много-много огня...»⁷.

Верующий ученый вовсе не есть уникальное явление (среди ученых были не только верующие, но и священники), — достаточно вспомнить И. Ньютона, Дж. Пристли, Н. Коперника, Г. Менделея, Л. Пастера, — но жили они не в Советском Союзе. Профессор же советского вуза, среди студентов которого — комсомольцы первого призыва, «воинствующие безбожники»; администратор, в подчинении которого не только атеисты, но и коммунисты; — не просто верующий, но архиерей? Ситуация более чем странная, с точки зрения властей — нетерпимая, для Войно-Ясенецкого — опасная.

Юридически Церковь в России после большевистского переворота отделена от государства, фактически же в соответствии с идеологией правящей партии поставлена вне закона и обречена на уничтожение как «единственный серьезный конкурент» (Н. Бердяев) коммунистической вере.

В Государственном архиве Российской Федерации хранится любопытный документ — письмо В. Крестовникова к В. И. Ленину от 3.10.1919 г.

³ Там же.

⁴ Кассирский И. А. Размышления о В. Ф. Войно-Ясенецком. Рукопись. Архив семьи И. А. Кассирского.

⁵ Архив семьи И. А. Кассирского.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ ГАРФ. Ф. 353, оп. 2, д. 694, л. 200—201 об.

«Уважаемый Владимир Ильич!

...Я глубоко уверен, что Вы(...) сами отвернетесь(...) если Вас поставят на место Бога в буквальном смысле.

(...) над входом в бывший монастырь, в киоте на месте иконы — выставлено Ваше изображение, а над ним красный флаг»⁸. Эпизод весьма красноречивый, в духе времени...

Формирование Кассирского, представителя новой — *советской* — интеллигенции, как ученого, началось с первых лет после октябрьского переворота; его, как и миллионы людей, привлекали демократические лозунги, в том числе о равенстве наций, ликвидации имущественного неравенства, власти трудящихся. Не случайно насильственно мобилизованный вместе с другими студентами-медиками последнего курса Томского университета в колчаковскую армию Кассирский, рискуя жизнью, перешел на сторону «красных». Однако его судьба при новом режиме сложилась не просто. За всю историю человечества не было столь жестокого, бесчеловечного режима, как сталинский, и одно из самых страшных его преступлений — глубинная деформация психики подданных; этого не избежал практически никто в стране. Все — от ближайших лиц сталинского окружения до рядовых граждан — жили под страхом ареста, даже если не отдавали в этом себе отчета. Угроза ареста, как дамоклов меч, постоянно висела и над Кассирским. Ему в любой момент могли припомнить — пусть и невольную — службу в «белой армии»; он был вторым профессором на кафедре терапии Центрального института усовершенствования врачей, которой заведывал известный врач, профессор Д. Д. Плетнев, репрессированный в 1938 году («Дело Плетнева»).

В ходе кампании «борьбы с космополитизмом» (1949—1952 годы) И. А. Кассирский подвергается прямой опасности: в «Военно-медицинском журнале» на него под видом рецензии публикуется донос, подписанный полковником медицинской службы П. Самсоновым⁹. Речь идет о монографии Кассирского «Клиника и терапия малярии» (которая уже получила высокую оценку со стороны медицинской общественности, — в частности, академика медицины Е. М. Тареева); в монографии, как и положено в научном труде, приводятся ссылки на источники, среди которых немало иностранных. За это автор и обвинен в антипатриотизме, так как, по словам рецензента, он заменил «славные русские имена» ненавистными для советских патриотов именами нерусскими (среди них, кстати, назван и Ш. Лаверан, Нобелевский лауреат, открывший возбудителя малярии)¹⁰. «Совершенно очевидно, что все это является рабским низкопоклонством перед буржуазной западной наукой», — делает зловещий для Кассирского вывод П. Самсонов и добавляет: «И. А. Кассирскому следовало бы, опираясь на марксистско-ленинскую теорию, дать уничтожающую критику реакционных буржуазных течений в области маляриологии»¹¹.

Наряду с подобными кампаниями в стране не прекращались гонения на религию и ее представителей, лишь слегка приглушенные во время войны, не прекращалась пропаганда безбожия и обезбоженной морали; эта пропаганда, массированно внедрявшаяся в сознание людей десятилетиями, давала свои плоды. Поэтому на фоне сегодняшнего либерализма и поголовной «христианизации» бывшей партноменклатуры не станем гордо осуждать Кассирского, искренне недоумевавшего: «Чему могло научить описание жизни профессора хирурга Валентина Феликовича Войно-Ясенецкого (в миру) и архиепископа Луки Туркестанского, потом — Красноярского, затем — Тамбовского и Мичуринского и — в конце жизни — Симферопольского и Таврического? Чему?». Не принимая религиозных взглядов В. Ф. Войно-Ясенецкого, И. А. Кассирский — и это важно подчеркнуть — как раз его взглядов и не осуждает (отца осуждали даже собственные дети В. Ф. Войно-Ясенецкого), он *недоумевает и размышляет*. Не допуская возможности совмещения веры и науки, не признавая «дуализма мышления и веры», он постоянно имел перед собой живой пример такой возможности, — своего собрата по медицине и оппонента по ми-

P. Воробьев
Два имени,
две судьбы

⁹ Военно-медицинский журнал.
1949. № 5.

¹⁰ Нобелевскую премию не признавали лишь в двух странах — в гитлеровской Германии и в сталинском СССР.— Р. В.

¹¹ Военно-медицинский журнал. С. 62.

¹² Кассирский И. А. Размышления... Рукопись. Архив семьи И. А. Кассирского.

ВСПОМИНАЯ ОБ УШЕДШЕМ

ровоззрению Войно-Ясенецкого. Кассирский мучается вопросом: не «двойной ли жизнью» живет его коллега,— или, быть может, и впрямь возможно гармонично сочетать в себе «врачевство телесное и духовное»? Но как поверить в непорочное зачатие Девы, в бессмертие души, в загробный мир? — Для атеиста и материалиста Кассирского вопросы вполне закономерные. Относясь к своему коллеге с большим пietетом, как человеку прекрасной души, кристальной честности, моральной высоты, он не мог постигнуть, почему Войно-Ясенецкий ушел в религию: ведь это никак не сочеталось с понятием «советский учений»! Пытаясь во всем этом разобраться, Кассирский пишет: «Мне представляется, что разгадка этой тайны лежит в истории его жизни, «биографии» тех идей и раздумий, которые определили его своеобразие и необычность как человеческой личности»¹². Кассирский не сомневается в чистоте помыслов Войно-Ясенецкого, но пытается понять, почему он «наивно верил в религиозный гуманизм настолько, что был убежден, что именно этот гуманизм способен победить трагические противоречия и социальные катаклизмы, свидетелем которых он был»¹³. Именно в христианском гуманизме видит Кассирский ключ к разгадке феномена Войно-Ясенецкого, которого, по его мнению, в лоно Церкви привели жажду милосердия, стремление оказывать помощь каждому, в ней нуждающемуся, служить людям комплексно,— врачуя тело как медик и утешая душу как священник. Однако в эпоху революций, гражданской войны, непримиримой классовой борьбы уход Войно-Ясенецкого в религию для Кассирского означал уклонение от участия в решении социальных проблем: ведь религия была отлучена от активной жизни общества. Недоумение и даже скептицизм Кассирского — участника гражданской войны — вполне понятны по отношению к Войно-Ясенецкому, призывавшему «возлюбить ближнего» независимо от его принадлежности к враждующим лагерям. Кассирский, будучи в первые годы советской власти ее приверженцем, полагал, что религия воспитывает в людях пассивность, тогда как цель человека — борьба «за светлое будущее всего человечества». А Войно-Ясенецкий видел свой долг врача-христианина в том, чтобы утешать, окормлять телесно и духовно каждого «страждущего и обремененного», не дожидаясь «всебоющего» решения вопроса. Владыка Лука, стремясь жить и действовать по заповедям Божиим и помогая бездозенным (из 200 тыс. рублей Сталинской премии 130 тыс. он перевел для детей-сирот), следовал заветам Христа творить добро и любить ближнего, которые считал непреходящими, имеющими общечеловеческий характер, и не сомневаясь в том, что люди должны исполнять их «во все времена», невзирая на войны, революции, социальные катаклизмы.

Кассирский, сопоставляя религиозность Войно-Ясенецкого и Л. Н. Толстого, отмечает существенные различия в их взглядах. Л. Н. Толстой отрицает догмат о всемогуществе Бога. «По сути, Толстой,— пишет Кассирский,— в богое видит не вседержащего и всемогущего мистического правителя мира (...) он видит в нем абсолютный разум, и истинная нравственность, вездесущее нравственное начало должно исходить от разума,— иначе говоря, от науки»¹⁴. Толстой, как сам он пишет в дневнике (4 марта 1855 г.), считал необходимым «очистить христианство от мистицизма»; религия, по его мнению, должна быть «рациональной». Подобные взгляды сродни мыслям Б. Спинозы¹⁵. Войно-Ясенецкий, как и Достоевский, расходится с Толстым: для них Христос — не только основатель учения, но и мера истины и Сама Истина: «Аз есмь путь, и истина, и жизнь» (Иоан. 14, 6).

Кассирский полагал, что основа религиозности Войно-Ясенецкого заключается в верности «философскому идеализму, главная идеологическая функция которого состоит в поддержании религии. Ложные философские концепции упрочили его веру в религиозные догмы»¹⁶.

Вывод, конечно, наивен по двум, по крайней мере, причинам: столь творчески одаренная личность, как Валентин Феликович, не мог прийти к вере, «начитавшись» философских брошюр. Кроме того, вера (и этого не мог знать атеист Кассирский) дается по благодати Божией; вера — это

дар Божий, и этим даром Владыка был наделен щедро. Единожды обретя веру, Войно-Ясенецкий не изменял ей никогда. Он избрал труднейший для христианина путь «икономии» — оставаться верным Богу даже в невыносимых для веры условиях, идя на мудрый компромисс с сильными мира сего, но не изменяя вере.

Он stoически переносил гонения, стужу полярных лагерей,— но никто никогда не слышал от него даже намека на критику властей, лишь однажды он высказал свое недовольство. Известен случай, когда Войно-Ясенецкий отказал в медицинской помощи человеку, принимавшему участие в разрушении храма и засорившему при этом глаз. Значит, ему не было присуще *абсолютное* всепрощение. Высказал он и недовольство властями на торжественном собрании, состоявшемся в Тамбове в конце 1945 г., на котором ему вручили медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Войно-Ясенецкий в присутствии высшего местного начальства заявил: «Я учил и готов учить врачей тому, что знаю; я вернул жизнь и здоровье сотням, а может быть, тысячам раненых и наверняка помог еще многим, если бы вы (он подчеркнул это «вы») не схватили меня ни за что ни про что и не таскали бы по острогам и ссылкам одиннадцать лет. Сколько людей не спасено отнюдь не по моей воле!»¹⁷. Как ни странно, выпад Войно-Ясенецкого остался без последствий,— может быть, потому, что в стране еще продолжалась инерция заигрывания властей с Церковью. Известны «забастовки» Войно-Ясенецкого, когда он отказывался оперировать, если удаляли из хирургического блока иконы.

Войно-Ясенецкий никогда не скрывал своей религиозности; для него было естественным (а для окружающих странным) перед операцией помолиться перед иконой, носить рясу везде, кроме больницы и операционной,— об этом пишет Кассирский. Конечно, подобное поведение профессора вызывало отрицательную реакцию окружающих, в лучшем случае считалось чудачеством. Вокруг Войно-Ясенецкого циркулировали всевозможные слухи, инсинуации,— вплоть до обвинения в убийстве по религиозным соображениям одного из профессоров университета. Благодаря заступничеству прогрессивно мыслящих коллег (в том числе и Кассирского) возбужденное против Войно-Ясенецкого уголовное дело было прекращено, однако по указанию из Москвы его сослали на Север.

И даже в годы благоволения властей к Войно-Ясенецкому (в конце войны) ему не разрешили баллотироваться в Академию медицинских наук, пока он не сложит с себя сан священника.

* * *

«Размышления о В. Ф. Войно-Ясенецком» И. А. Кассирского представляют несомненный интерес для современного читателя не только потому, что знакомят с жизнью необычного для советской действительности человека — ученого и священнослужителя, сумевшего отстоять свою свободу духа при коммунистическом режиме,— но и преподают урок гуманизма и терпимости, дефицит которых ныне так остро ощущается в нашем обществе. Кассирский впервые в столь полном объеме анализирует научное творчество В. Ф. Войно-Ясенецкого, что является вкладом в историко-медицинскую литературу. «Размышления....» — важный документ эпохи, самой трагической в истории России.

Р. И. ВОРОБЬЕВ

¹³ Там же.

¹⁴ Кассирский И. А. Указ. соч.

¹⁵ См. Спиноза Б. Богословско-политический трактат. М.: 1955. С. 51.

¹⁶ Кассирский И. А. Указ. соч.

¹⁷ Октябрь. 1990, № 4. С. 85.